

УДК 329.1/6

А.Ю.Суслов**Эсеры и меньшевики
в историческом сознании
российского общества: эволюция образа**

В данной статье рассматриваются основные этапы эволюции исторического сознания российского (советского) общества по отношению к социалистическим партиям – социалистам-революционерам и меньшевикам: от образа врага к дискретным и во многом мифологизированным современным трактовкам.

Ключевые слова: социалисты-революционеры, меньшевики, историография социалистических партий, историческое сознание.

Отечественная историография социалистических партий прошла сложный путь, отразив изменения политического режима и общественного сознания. С момента своего возникновения, после Октября 1917 г., она никогда не была единой, так как включала в себя и работы самих российских социалистов, пытавшихся осмыслить исторический путь своих партий, и труды советских историков, выражавших позицию правящего режима, и исследования диссидентов, имевших свой взгляд на историю постреволюционной России. После распада Советского Союза начался новый этап в отечественной историографии, не только вобравший в себя многое из достижений предшественников, но и отличающийся созданием новых, оригинальных подходов к изучаемым проблемам.

С первых лет большевистской власти историки советского общества были поставлены в зависимое положение. Историческая наука формировала соответствующее историческое сознание общества, представления о роли врагов большевизма. Сразу же после захвата власти перед большевиками, как и перед любым революционным режимом, встал вопрос о легитимности, то есть задача доказать, что ими была

Суслов Алексей Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Казанского государственного технологического университета; конт. инф.: plusha131333@yandex.ru

совершена настоящая революция, а не военный переворот, как утверждали меньшевики и эсеры. Созданию «образа революции» и ее врагов и была подчинена многочисленная советская литература антиэсеровской и антименьшевистской направленности.

Именно тогда, в 1920-е годы, в стране сложился своеобразный тип связи науки, идеологии и политики, который продолжал господствовать и далее [1, с. 13]. После окончания Гражданской войны власть организует Комиссию по истории Октябрьской революции и Российской коммунистической партии (Истпарт) с филиалами по всей стране. Комиссия была создана при Наркомпросе в сентябре 1920 г. и передана под начало ЦК РКП(б) в декабре 1921 г. Одной из главных задач Истпарта было собирание документов и материалов по истории революционного движения и Октябрьской революции, в том числе за рубежом.

Создаются новые библиотеки, архивы, музеи для хранения «памятников» революции. Появляется первое поколение историков-марксистов, формировавшихся из партийной среды (в основном социал-демократической) и связанных после 1917 г. с государственной деятельностью. Именно они (И.И.Минц, М.В.Нечкина, А.Л.Сидоров, Э.Б.Генкина, Н.Л.Рубинштейн, А.М.Панкратова и др.) стали активными участниками острой идейной борьбы с противниками большевизма. Эта борьба была частью глобального государственного проекта по конструированию образа Октябрьской революции, Гражданской войны и истории большевистской партии. Газеты, листовки, школьные учебники, исторические труды, митинги, официальные церемонии и празднества [2], агитпоезда, фотографии, кинофильмы формировали, как отмечает Ф.Корни, «основополагающие нарративы» нового режима [3, р. 10], включавшие ряд ключевых символов и сюжетов, в том числе и о «врагах революции». Именно поэтому «большевистский вариант» истории Октябрьской революции был самым успешным по степени массового и эмоционального воздействия. Позиция демократических социалистических партий, которые оказались в положении проигравших, была явно более слабой. Эсеры и меньшевики в своих работах, преимущественно историко-мемуарных, лишь реагировали на сотворение большевиками новой революционной традиции с ее символами и ключевыми образами.

Важной частью пропаганды становится кино (именно с 1920-х годов восприятие мира современным человеком становится все более опосредованным экраном), где меньшевики и эсеры изображаются резко отрицательно. Начало расцвета кинематографа совпало с фор-

мированием тоталитарного режима [4]. Знаковыми стали документальный фильм Д.Вертова «Процесс эсеров» (1922) и художественный фильм С.Эйзенштейна и Г.Александрова «Октябрь» (1927), в котором после выступающего на трибуне меньшевика показывались руки, перебирающие струны арфы, а речь эсера монтировалась с балалайкой. И то, что в последующие десятилетия советской власти фильм ассоциировался с представлением о «Великом Октябре», в немалой степени было сформировано именно Эйзенштейном, его весьма образную кинематографическую версию выдавали чуть ли не за документальную фиксацию свершившегося. «Октябрь» можно считать в мировом кино одним из первых примеров воплощения на экране «второй реальности», кажущейся подлиннее настоящего. Так, в ряде позднейших картин 1930-х годов сцена штурма Зимнего дворца из фильма Эйзенштейна вставлялась как черно-белый «документальный» отрывок.

Карикатурными были образы социалистов и в других популярных фильмах 1930-х годов, эсеры и меньшевики откровенно высмеивались (трилогия о Максиме Г.Козинцева и Л.Трауберга, «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году» М.Ромма). Литература и кино фактически становились институтами по «производству Истории» [5, с. 7]. Именно кино предоставляло наибольший простор для мифологизации истории.

Важным фактом фиксации в общественном сознании образов социалистов можно считать фильм «Ленин в 1918 году» (1939 г., режиссер М.Ромм; Сталинская премия 1941 г.), где Фанни Каплан в исполнении актрисы Н.Г.Ефрон запечатлелась в сознании миллионов советских граждан как эсерка, стрелявшая в вождя. «Эсерка Каплан стала настоящей инкарнацией врага», – отмечает в своей монографии о советском кино Е.Добренко [5, с. 354]. Критика писала об «акте гражданского, артистического мужества, который совершила Н.Эфрон, снимаясь в роли Каплан» [6, с. 103]. Фильм «Ленин в 1918 году» был теснейшим образом связан с показательными процессами 1930-х годов, с атмосферой Большого террора. «В разоблачении подлинной обстановки покушения на Ленина фильм идет значительно дальше многих до сих пор опубликованных работ», – отмечалось рецензентом картины. И далее: «...опираясь на многочисленные исторические материалы, в частности на материалы последних судебных процессов над врагами народа, авторы фильма нарисовали исторически правдивую картину того, как все силы контрреволюции объединились в одну силу, направившую злодейскую руку преступницы Каплан» [7, с. 17].

Успешность формирования нового исторического сознания зависела и от того, насколько большевикам удастся вовлечь население в процесс его создания – в процесс своеобразного «конструирования

прошлого». С помощью самых разнообразных средств печатной и массовой пропаганды власть в конечном счете сумела создать к 1930-м годам такой образ истории социалистических партий, который переживался на уровне личной и групповой памяти и обеспечил людей тем языком, которым они выражали свои воспоминания.

Интерес к изучению истории российских политических партий возродился во 2-й половине 1950-х годов, демонстрируя благоприятные для исторической науки последствия либерализации советского общества. Смягчение режима выразилось в открытии ряда тем для исследований, критике «ошибок» и «недостатков» прошлых лет. Тем не менее советская наука продолжала оставаться государственным проектом, с четко очерченными рамками и идеологическими установками. Сохранялись многие черты историографии 1920-х годов – прежде всего убеждение в превосходстве марксистско-ленинской идеологии, представления о роли исторической науки в политической борьбе за социализм. Жесткий контроль исключал независимость исследователей, обязывал их следовать решениям партийных органов. Оставались и организационные формы прошлых лет, приоритет партийных учебных и научных центров. В общественном сознании сохранялся образ меньшевиков и эсеров как «врагов революции», заговорщиков и пособников белогвардейцев.

В то же время эти представления постепенно начинают разрушаться, хотя и в ограниченных масштабах. Этому способствовали критика сталинизма в годы оттепели, появление в 1960-е годы неподцензурной диссидентской литературы (самиздата) – прежде всего произведений В.Шаламова и А.Солженицына, публикация художественных произведений (романов, пьес) и фильмов о Гражданской войне, чекистах, эмиграции, Б.В.Савинкове и левых эсерах. В них образы «врагов революции» были иногда далеки от карикатурных – можно выделить фильм «Шестое июля» (1968 г., режиссер Ю.Ю.Карасик, сценарист М.Г.Шатров) о выступлении левых эсеров в 1918 г., снятый к юбилею ВЧК сериал «20 декабря» (1981 г., режиссер Г.Никулин, сценарист Ю.Семенов) и др. Показательно, что бывшая левая эсерка Б.А.Бабина (1894–1983) в своих мемуарах конца 1960-х годов писала: «Случилось так, что в эти дни, спустя полные полвека после рокового V съезда Советов, я смотрела идущий на экранах Москвы фильм под названием «Шестое июля». С тревогой ожидала увидеть и услышать шаблонный поток лжи и клеветы. Этого не произошло. Скажу больше: события тех дней были изложены исторически верно, не было и привычного для наших официальных историков стремления показать

героев этих событий в качестве разновидностей контрреволюции» [8, с. 35]. Примечательно, что фильм «Шестое июля» посмотрело в 1968 г. 33,2 млн зрителей (14-е место в прокате).

Событием стала публикация 21 апреля 1962 г. в газете «Известия» рассказа писателя Э.Г.Казакевича «Враги» с версией, что Ленин способствовал нелегальному выезду Мартова за границу, чтобы спасти его от чекистских репрессий. Этот рассказ уже по-иному характеризовал меньшевистского лидера, что было немедленно отмечено русскими эмигрантами – Н.В.Вольский писал сестре Мартова Л.О.Дан 12 мая 1962 г.: «Исторически это неверно, насколько знаю. Ленин открыто, а не секретно дал Мартову позволение выехать за границу. Но вся статья в «Известиях» меня поразила. Весь тон ее не тот, с каким компресса обычно говорит о меньшевиках».

В 1990-е годы процесс воздействия искусства (в том числе кино) на общество стал еще более сложным. Историческая наука постепенно изменяет и массовые представления общества о месте и роли социалистических партий в истории России XX в., однако трансформация научного знания в обыденное – весьма долгий и сложный процесс. Весьма характерен для современного состояния обыденного исторического сознания российского общества сюжет с Ф.Каплан – в нем причудливо переплетаются новые научные исследования, давние стереотипы и фантастические гипотезы. Покушению на Ленина в 1918 г. посвящено несколько документальных фильмов («Фиалка террора», 2003 г., Украина, реж. И.Кобрин; «Кто заплатил Ленину: тайны века», 2004 г., Россия, реж. Г.Огурная – выдвигается версия о причастности Парвуса к покушению 1918 г.; «Тайны века. Ульяновы. Неизвестная семья. Покушение», 2004 г., Россия, реж. О.Рясков и др.), множество газетных, журнальных и сетевых публикаций. Показательно, что, несмотря на привлечение в качестве экспертов весьма авторитетных ученых, в большинстве случаев продолжают тиражироваться старые мифы параллельно с новым мифотворчеством. Так, историк В.Логинов отмечал 24 января 2001 г. на заседании клуба «Свободное слово» в Институте философии РАН: «Наша телевизионная историческая журналистика давно уже полностью отделилась от исторической науки. Вы, вероятно, видели недавно «независимое расследование» Николаева по поводу того, кто стрелял в Ленина в 1918 году. К «поиску истины» привлекли массу народа. Девушка с игрушечным пистолетом инсценировала покушение, выступали эксперты-криминалисты. Присутствовал там и историк Сергей Журавлев. Его показали в фас и в профиль, оставили какую-то реплику, а остальное вырезали. Почему? Да

потому что развалилась бы вся передача, ибо Журавлев на основе анализа неизвестных ранее документов давно «поставил точку» – да, стреляла Фанни Каплан. И проблемы для нового «расследования» и столь страстных дебатов просто не существует...» [9]. С последним утверждением согласиться трудно. Отсутствие источников, запутанный характер этого события не позволяет, на наш взгляд, с уверенностью предпочесть ту или иную версию. В этой связи явно преждевременным выглядит утверждение С.В.Журавлева о том, что протокол заседания Военной коллегии Верховного Суда СССР в 1937 г. по делу Г.И.Семенова поставил «окончательную точку» в его роли в покушении на Ленина.

Социалистические партии в послеоктябрьской России были одними из первых, кто пытался показать антидемократический характер большевизма. Тем не менее неудача социалистов-революционеров и меньшевиков в этой борьбе не означает их поражения в историческом споре о демократии, социализме и роли политических партий. Отечественная историография на современном этапе имеет серьезные возможности для создания подлинно научной истории многопартийности в нашей стране.

Список использованных источников

1. Алексеева Г.Д. Историческая наука в России. Идеология. Политика. – М., 2003.
2. Малышева С.Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы. – Казань, 2005.
3. Corney F. Telling October: memory and the making of the Bolshevik revolution. – Ithaca, 2004.
4. Papazian E. Manufacturing truth: the documentary moment in early Soviet culture. – DeKalb, 2009.
5. Добренко Е. Музей революции: советское кино и сталинский исторический нарратив. – М., 2008.
6. Зак М. Михаил Ромм и традиции советской кинорежиссуры. – М., 1975.
7. Григорьев Э. О фильме «Ленин в 1918 году». – М., 1939.
8. Бабина Б.А. Февраль 1922 // Минувшее: Исторический альманах. – М., 1990. – Вып. 2.
9. Независимая газета: Сценарии. – 2001. – 10 июня.